

Алканавты

A dramatic sci-fi landscape. In the upper half, a large, textured blue planet with white clouds is set against a dark, starry sky. Below it, a bright sun is setting or rising over a dark, rocky, and desolate terrain. The sun's light creates a strong orange and yellow glow, illuminating the clouds and the landscape. The overall color palette is dominated by blues, oranges, and blacks.

Наталья Духина

Наталья Духина

Алканавты

«Автор»

2026

Духина Н.

Алканавты / Н. Духина — «Автор», 2026

Звездолёт летел себе в пустоте космоса, и вдруг незнамо откуда возникла вблизи планета, а двигатель заглох, еле приземлились. Сверху – всегда серое унылое небо. В замкнутое пространство попали, – догадались. В Пузырь. Приборы все как один не работали. Но был и положительный момент: инвалиды, которых везли умирать на Землю, вдруг ожили, и у них пошли отрастать конечности. Энтропия тут убывает! – сообразил профессор. Но как выжить и выбраться наружу, когда вся физика наоборот? И стоит ли снова сюда вернуться?

© Духина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Пузырь	5
Глава 1. Госпиталь в Маури (1 февраля – 20 мая 01 года)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Духина

Алканавты

Часть 1. Пузырь

Глава 1. Госпиталь в Маури (1 февраля – 20 мая 01 года)

1 февраля 01г., госпиталь в Маури

Заведующая буравила взглядом практиканток – кобра как есть.

Поддавшись гипнотическому взгляду, девчонки одна за другой склоняли головы. Но Лина держалась, старательно таращась в переносицу мадам. «Так тебе, змеюка... не нравится?!»

Заведующая возвышалась над ними – тощая, властная, да ещё в косынке, веером ниспадающей на плечи, точь-в-точь капюшон очковой змеи. И само здание главного корпуса казалось мрачным средневековым замком, населённым рептилиями в косынках. Ни за что по своей воле Лина не пошла бы сюда. Но – надо.

«Смотри не переиграй!» – всплыло в памяти наставление деда.

«И правда, одна осталась, хватит паяться», – Лина как можно натуральнее вздрогнула и тоже опустила голову. Сдалась!

«Кобра» довольно ощерилась: все практикантки глядели в пол. И застрекотала как ни в чём не бывало о местных порядках.

Лина мысленно похвалила себя: на неё обратили внимание. А всего-то и нужно было – прикинуться непокорной и после поддаться, победа над сложным соперником ценится вдвойне. Древняя как мир тактика работала и в XXVI веке.

Девчонки потихоньку приходили в себя, поднимали головы.

Эффект следовало усилить – и Лина поддакнула, удачно вписавшись в трескотню «кобры», ещё и вопросик к месту подкинула.

Во что бы то ни стало она должна попасть куда надо, а распределяет вновь прибывших 16-летних практиканток по корпусам именно эта заведующая.

Наконец, «кобра» перешла к главному. Предложила практиканткам высказаться, кто куда хочет.

Настал момент истины – получится, нет? Лина попросилась к самым сложным пациентам. К тем, кто в коме. На удивлённое «почему вдруг?» прохрипела, заикаясь: интересуется полный спектр заболеваний, и она уже ознакомилась в Кроско с травмами лёгкой и средней тяжести, а вот с тяжёлыми – ей хотелось бы в Маури, потому что именно здесь лечат безнадежных пациентов лучше всего.

Аргумент убойный, вызубрен заранее, главное было – правильно подать. Дед учил: нельзя, чтоб от зубов отскакивало. Наоборот, дыхание прерывистое, горло перехватывает, будто делишься сокровенным.

И она справилась! Заведующая расцвела от её слов. И отдала Лине единственную по данному направлению вакансию.

«Ура-а! Какая мадам хорошая, а я её «коброй»...» – ответно расплылась Лина. У неё получилось!

Тяжёлые лежали в корпусе номер 7 – на отшибе больничной территории. Сюда Лина и порулила солидным неспешным шагом. Улыбка то и дело набегала на лицо, сгоняя уныло-деловую гримасу, с которой, по её мнению, только и следовало пребывать на территории гос-

питался. Она хмурилась, возвращая гримасу, но улыбка нагло пробивалась обратно – ведь первый и самый сложный пункт выполнен!

Местная планетарная система, куда забросила Лину судьба (вернее, распределил главный компьютер), состояла всего из трёх крупных объектов: собственно звезды со странным именем Бер и двух её планет Кроско и Маури. Массивная Маури кружилась вокруг Бер на большем расстоянии, чем её субтильная соседка Кроско. И пока Маури описывала один виток, юркая небольшая Кроско успевала обернуться дважды. Иначе говоря, период обращения Маури вдвое, а радиус – в 1.6 раз больше, чем у Кроско.

Население планет резко разнилось: большую Маури оккупировали «бездетные», маленькую Кроско – «семейные». «Бездетными» называли тех, кто предпочитал жить ради себя, не обременяясь родственными узами и обязательствами; воспитанные в интернатах, они считали правильным и всех детей там воспитывать, а для воспроизводства населения сдавали семенной материал: детям следует рождаться в инкубаторах. «Семейные» же «бездетных» решительно не понимали и не принимали их идеологию, семья – вот что ставилось во главу угла.

Наученные печальным (вплоть до войн) опытом других планет, вместе под одним небом ужиться и не пытались – зачем зря мучиться, нервировать друг друга, когда можно решить вопрос полюбовно: вообще не сходитьсь, не пересекаться. Договорились заранее кому куда: бросили жребий. И по завершению терраформирования, то есть триста лет назад, как только открылся доступ на заселение, сразу стали селиться порознь. «Семейные» не расстраивались, что планета им досталась меньших размеров: зато климат лучше – теплее, рельеф ровнее и вообще – уютнее.

Открыто соседи не враждовали – скорее, соперничали. На каждой из планет царили свои законы, часто противоположного действия: за что на одной наказывали тюрьмой и каторгой, на другой поощряли наградой. Нельзя сказать, что маурияне не пускали к себе кроскиан, а кроскиане – мауриян: активно туда-сюда курсировали группы туристов и торговцев, наука-культура-спорт тоже действовали объединяюще; а за юные неокрепшие умы шла негласная борьба – каждая из сторон активно тянула в свой лагерь. Однако если ты прибыл к соседям и нарушил закон – судить тебя будут они, и подвергаться наказанию будешь там.

Поселили Лину в подвальный флигель корпуса номер 7. Аскетично, холодно. «Бр-р! Как в пещере!» Её одолела трясушка.

Подрагивающими руками достала новенький фон. Тот сразу отреагировал, высветив на экране чёрными пляшущими буквами:

– Тихе едешь – дальше будешь.

– Без тебя знаю! – недовольно буркнула Лина.

Последнее время фон стал каким-то слишком общительным: чуть тряханёшь – сыплет фразой. По задумке же должен реагировать лишь после постукивания по экрану. Дизайн девайса она придумала самолично: пустила по жёлтому экрану бегать чёрные символы, которые по команде должны сбиваться в осмысленный текст. Этот текст выбирался случайным образом из базы афоризмов и поговорок... ну, не совсем чтобы случайным, она ещё и гороскоп подключила, но – тсс-с, сие есть великая тайна: дед узнает – засмеёт. А что, прикольно: фон-советчик. Друг, неким образом.

– Отправь в гравипорт сообщение! – приказала. И отчётливо выговорила после сигнала: – Багаж доставить в госпиталь, корпус семь.

Да, только сегодня утром она прибыла из Кроско в Маури, чемодан до сих пор пылился в багажном отделении гравипорта, а казалось, будто сто лет прошло.

Фон у Лины особенный не только из-за дизайна – над ним поработал её дед Кузьма Петрович, учёный широкого профиля: сделал так, чтобы все команды и контент дублировались

и к нему. Не совсем законно, если не сказать жёстче. Активировать режим «Х», то есть связываться с ним напрямую, он попросил лишь в чрезвычайной ситуации, а так – использовать типовые каналы, задействуя при этом эзопов язык. Вот «по-эзоповски» она и расстаралась.

В это самое время Кузьма Петрович сидел перед экраном визора на другой половине планеты, в ремонтных мастерских. Весь день словно на иголках – ждал от внучки весточки. Мог бы и не караулить, ведь и так услышит сигнал, а и не услышит – никуда не денется информация, отложится в тайный блок. Но его будто заклинило, прочие нужды откатились в туман.

И когда, наконец, пикнуло и проявилось долгожданное сообщение про багаж, он вскочил. Пустился бы в пляс, если б не почтенный возраст. Но протрубить иерихонской трубой сил достало:

– У неё получилось! Есть седьмой корпус! Молодец девчонка!

Из механички вынырнул чумазый Сергей, победно потряс кулаками. И они, оба чрезвычайно довольные, пожали друг другу руки.

Сергей – отец Лины. Родственные связи на планете «бездетных» лучше скрывать. А то ведь можно по этим связям и клубок размотать, догадаться о цели пребывания.

А цель была... не совсем чтобы безупречная. Эти трое планировали осуществить противозаконное для Маури действие. Лина выступала в роли разведчика. И вот первая часть плана выполнена, перемещение практикантки из Кроско в Маури завершилось удачно. Но расслабляться не стоило, то лишь начало.

– Представляете, – щебетала Лина, подхватив сестру-хозяйку под локоток, – в этом Кроско та-акой кошмар! Вот у вас – чистенько, а та-ам... детишки носятся, разбрасывают всё подряд, никакого порядка!

Сестра-хозяйка млела. Всегда приятно, когда хвалят, а если ещё и превозносят над идейным недругом – вдвойне.

А Лина, не особо контактная в обычной жизни, на этот раз раздухарилась: придумала для себя роль и играла. Перезнакомилась с медсёстрами, помогла с уборкой уборщице, а на дежурного врача так вообще лакейски вытарацилась и буквально ринулась исполнять его поручение. Тактика принесла плоды: скоро она знала, в какой палате лежат искомые пациенты и кто их обслуживает. Ещё немного усилий, и...

– Ну, здравствуйте, ребята! Вот я вас и нашла! – проговорила мысленно, входя вечером в ту самую палату. Сопровождала её медсестра Дженни, любезно согласившаяся познакомить практикантку с контингентом.

– Этих с аварии привезли. Овощи. – Голос медсестры звучал тускло-расплывчато, будто глохнул в вязком урчащем болоте – то приборы издавали чавкающие звуки.

Четыре койки и куча аппаратуры. Так с самого начала и держали всех четверых в одной палате. Экипаж «Стрелы», попавшей в аварию немногим более семи месяцев назад.

Хоть и из одной семьи, но лично астронавтов Лина не знала, что не удивительно: в семейное сообщество входило несколько сот человек, причём в одно целое их объединяли не столько родственные связи, сколько общий бизнес. Бизнес заключался в перевозке грузов, в том числе эксклюзивных. Основным перевозчиком и, соответственно, стержнем бизнеса, был космический грузовик «Стрела». Доставшись предкам в прошлом веке, лет сто назад, в результате сложной героической аферы, покрытой флером тайны, с тех пор он служил на благо семьи, кормилец и благодетель. Про грузовик Лина, конечно, слышала, но экипаж никогда не видела: где они, а где она.

В июле прошлого года корабль вынесло из гипертуннеля в туманность возле Маури, и уже здесь, в родном трёхмерном пространстве, его «накрыло».

Слухи ходили самые разные – от вторжения инопланетного разума до «свои же и подстрелили». Разбившихся астронавтов доставили в ближайший госпиталь – тот самый, в кото-

ром они сейчас пребывали. Оказали первую помощь. И целых три месяца никого к больным не подпускали: карантин. Закон такой. Мало ли, что астронавты могли подцепить во время аварии в открытом космосе. А собственнику корабля – семье – высылали регулярные отчёты о самочувствии, в которых значилось: «пациенты в коме, производится весь необходимый комплекс лечебных мероприятий». И ни слова сверх.

В октябре, после завершения карантина, с происшествия сняли гриф секретности. Специальная комиссия огласила решение: авария произошла в результате столкновения с метеоритом. Это означало, что собственник сам виноват, надо было вовремя апгрейдить корабельную защиту.

Автоматически последовало обнуление страховки, откуда вытекало: ремонт придётся делать за свой счёт. Это звездолёт-то – и за свой! Но деваться некуда. Семья распечатала НЗ (неприкосновенный запас), накопленный за столетие. Утешали себя, что ещё легко отделались: власти вообще могли отправить корабль к звезде на распыление, заподозри хоть малейший намёк на космическое заражение. А так – «Стрела» даже подпала под местного значения льготу: корабли, потерпевшие аварию в зоне ответственности Маури, освобождались от оплаты за пребывание в местных ремонтных доках. Вот так: ремонт за свой счёт, оплата места стоянки – за мауринский. Льготу комиссия установила сроком на полгода – если постараться, вполне можно успеть с ремонтом. Очень даже неплохим подспорьем оказалась та льгота: звездолёт – не кар, а машина приличных размеров, и только лишь одно его пребывание на какой-нибудь из стоянок вылилось бы за полгода в кругленькую сумму.

Семья переправила разбитый грузовик в указанные властями ремонтные мастерские. И началось мучительное восстановление звездолёта. Мучительное – потому что работы много, а денег мало. Ремонтную бригаду – по числу и квалификации работников – семья наняла с расчётом, чтобы оптимальным образом вписаться в льготные полгода.

Словно извиняясь за жестокое решение по грузовозу, комиссия проявила чуткое милосердие к раненному экипажу. Всех астронавтов признали пострадавшими и предоставили преференции: лечение по федеральной программе за счёт федерации. Средства выделили очень даже приличные, но... Но как, где и кто будет лечить – решалось наверху, федералами. И первое, что сделали на том верху – перестали слать семье отчёты о здоровье, ведь у раненых поменялся статус: если раньше они числились наёмными работниками, за которых отвечает наниматель «семья», то теперь перешли в разряд пациентов федерального уровня, и ответственность за них, соответственно, перешла к другому ведомству – намного более влиятельному, не привыкшему ни перед кем отчитываться.

Родственники больше голоса не имели; более того, о том, что экипаж таки оставили лечиться на Маури, они вызнали, можно сказать, случайно, использовав незаконные способы подкупа. А вызнав, снарядили десант – проведать. И забрать больных домой, по возможности.

Семья обитала в другом рукаве галактики. Когда несчастные матери, сёстры и жёны заявили в госпиталь, покрыв по гипертуннелю гигантские расстояния – их не пустили к больным.

«Недоразумение, – подумали женщины, – госпиталь подготовиться не успел, мы ж сразу с рейса... может, прежде следует пройти какую-нибудь сан-обработку? или облачиться в защитные костюмы? – ну, во избежание прямого контакта».

Но когда и на завтра снова от ворот поворот, а на вопрос о защитных костюмах персонал вытаращился в недоумении – тогда и начало доходить. С трудом. Долго не укладывалось в головы: как так – не пускать матерей к сыновьям, лежащим в коме! Но именно это и происходило. Их в принципе не собирались пускать ни под каким видом. Планета «бездетных» же.

Отойдя от потрясения, родные попытались по-тихому, через персонал, проникнуть к своим: методы испробовали разные – задабривание, запугивание, подкуп... Не помогло.

Нервы у женщин не выдержали, и они вдруг – спонтанно, без подготовки, на эмоциях – ломанулись сквозь пункт охраны. Ведь стражники гляделись сонными и легко проходимыми...

«Штурм», естественно, пресекли, однако охранники таки были поцарапаны, а один даже укушен.

«Скандалисток» препроводили в арестантскую зону гравипорта, не понимая, что с ними делать: то ли выслать с планеты при первой оказии от греха подальше, то ли проявить принципиальность и засудить, пусть в тюрьме посидят. Местные новости пестрели сообщениями об «агрессивной атаке». О «неадекватном поведении» гостей не отписался разве что ленивый.

Тут с Кроско прибыл адвокат, нанятый семьёй, и между ним и главврачом прошли переговоры. Отдельные эпизоды крутили потом по всем каналам:

«Личная жизнь неприкосновенна, – снисходительно объяснял главврач адвокату очевидное. – Пускать посторонних смотреть на человека в беспомощном состоянии – кощунственно, безнравственно. Запрещено нашим законом. Не посторонних, говорите, а родных? И что? Ну, мать... какая, простите, разница, где и от кого человек родился?! Ну, жена... это та, с кем иногда спят? Не смешите! Тем более, что так называемые «родные» – те самые истерички. Скандалистки. Я запрещаю любое свидание. Руки прочь от пациентов! Что-о? Ну и сказанули – забрать... Желаете наших больных – и перевезти к себе? Вы серьёзно? Да кто ж вам позволит тронуть федеральных пациентов! В комиссии не дураки сидят. Раз выбрали Маури местом лечения – так тому и быть. Запомните, господин адвокат, и вашим нанимателям передайте: просить о переезде могут только и исключительно сами пациенты!»

У женщин после просмотра данного видеофрагмента чуть инфаркт не случился: это какие-такие пациенты могут «исключительно сами просить» – те, которые в коме?! Безумие происходящего резко обострило боевой дух. Женщины готовились сбежать из заключения, напасть на охрану и таки освободить своих родных. Что потом? – они не думали: так далеко их мысль не распространялась.

Но тут очень вовремя прибыл глава семьи и охладил жар негодования, грозящий раздуться в неконтролируемый пожар.

В виртуальном кабинете экстренно собрался Совет семьи в расширенном составе и общими усилиями пришёл к единому заключению: спорить с «бездетными» на их территории – бессмысленное занятие. К тому же есть опасность потерять местную льготу по ремонту «Стрелы».

«Мы пойдём другим путём!» – глубокомысленно изрёк Председатель бессмертную фразу. И увёз «скандалисток» обратно на родину, причём адвокату ой как непросто было выбить разрешение на их вывоз, настолько они настроили маурян против себя.

Так случилось, что в это время Лина проходила практику на соседней Кроско, и кроме неё из семьи – на законных основаниях – в окрестностях светила Бер никого не было. Как попала сюда девица шестнадцати лет? – так же, как и прочие воспитанники мед-школ: по распределению. Учеников последнего года обучения рассеивают на годовую практику по крупнейшим госпиталям Галактики. Списки – кого куда – вывесили ещё весной прошлого года, то есть до аварии «Стрелы», случившейся в июле, что исключало любое подозрение в преднамеренном умысле «заслать агента».

Когда с ней связалась семья, Лина не отказалась, а, наоборот, радостно согласилась помочь. И потянулась цепочка: её отца, опытного пилота, пригласили в командиры «Стрелы». Сергей согласился, хотя уже и без радости: деваться некуда, коли дочь, родная кровиночка, тоже участвует. Позвал в помощники дедушку Лины – Кузьму Петровича, приходящегося ему тестем – для исполнения сразу трёх должностей на звездолёте: второго пилота, штурмана и зама по науке. Прежде чем уйти в научные работники – а случилось это тридцать лет назад

– Кузьма Петрович служил штурманом как раз на «Стреле». Ему тоже было некуда деваться: внучку он обожал.

Новый экипаж в составе двух человек тут же отбыл в срочном порядке по месту дислокации корабля, то есть на Маури, несмотря на надвигающиеся новогодние праздники (земной Новый год продолжали справлять независимо от реального места проживания, поскольку именно земное летоисчисление принято за основу в финансовых и прочих документах).

Основание для их прибытия – самое что ни на есть логичное: следовало ускорить ремонт корабля. Дай волю, ремонтники ещё год провозятся, а хотелось уложиться в льготный финансовый период. Грузовик должен вернуться в строй как можно раньше, ведь бизнес трещал по швам. Давние партнёры и ключевые клиенты хоть и вошли в положение, согласившись перенести контракты, но долго испытывать их терпение не стоило: возьмут и переметнутся к конкурентам.

Сергей и Кузьма Петрович поселился там же в доках, где на стапелях был распят звездолёт. Вплотную занялись делами. И не только ремонтными. Изучили обстановку, разработали план.

И понеслось. Лина отправила в департамент образования заявление с просьбой «перевести её в госпиталь Маури с целью более полного изучения методов лечения в планетарной системе звезды Бер».

Просьбу удовлетворили. С февраля по май – на четыре полных месяца – оформили ей «выездную практику». Более того, даже оплатили практикантке гиперперелёт из Кроско в Маури и обратно. На создании завлекательного имиджа полезных обществу профессий в департаменте не экономили: понимали, что увлечение и мотивацию под будущее служение отчизне следует закладывать в школьные годы.

Так Лина и оказалась рядом с покалеченным экипажем; иными словами, внедрение прошло успешно.

Корпус номер семь, по сути, представлял собою оранжерею, в которой поддерживалось существование экзотических растений. Редко кто из пациентов приходил в сознание, последний раз это радостное событие случилось год назад.

Первые дни, как водится, «убери-принеси». Но чем дальше, тем активнее практикантку подпускали к больным. И к аппаратуре, определяющей их жизнь.

– Посмотрел я твой диплом... Правильно понимаю – не хватает работы с оборудованием? – спросил скоро врач, назначенный её куратором. Низенький, щекасто-бровастый и с округлым аккуратным брюшком, он походил на Карлсона. Смешно, но и имя у него было соответствующее – Карл.

– Точно так! – согласно кивнула Лина. – Дженни провела меня по палатам, у вас тут столько всего интересного... глаза разбегаются!

– И как – выбрала?

– Хочу как в палате номер десять! – заявила она.

– Мда... С одной стороны, прибор в десятой – доисторический, если можно так выразиться... схема совсем простая. Но с другой – надёжный, проявил себя наилучшим образом, и весьма полезно будущему врачу разобраться в его принципе действия. Уверена в выборе?

– Да! Мне интересна физика взаимодействия и химия поддержания жизни.

Куратор насмешливо скривился.

«Не то что-то ляпнула? – стушевалась Лина. – Ладно, что взять с практикантки».

– Действуй. Материалы получишь. Будут вопросы – задавай, не стесняйся.

Она и не стеснялась – достала вопросами всех вокруг.

Аппарат осуществлял искусственное кровообращение – механические устройства поддерживали насосную функцию сердца и газообменную – лёгких, назогастральный зонд обеспе-

чивал питание, подключичный катетер – центральный венозный доступ для введения лекарств, посредством мочевого катетера шёл контроль диуреза и т.д. Скоро Лина освоила не только «свой» основной, но и вспомогательные приборы жизнеобеспечения – что куда налить-вылить, подкрутить-очистить. Обустроила себе уютное рабочее место в палате номер десять, расположившись за столом с тетрадками для «изучения воздействия прибора на пациентов в коме».

Дженни всё больше доверяла практикантке уход за больными – как не доверишь, если человеку в радость выполнять нудную работу! К тому же жильё у девчонки, если откровенно, мало подходило для нормальной жизни, пусть уж тусуется тут хотя бы в дневное время.

Всё дольше Лина просиживала с экипажем наедине... бывшим. Бывшим экипажем. Не работать им больше на звездолётах – не берут калек в астронавты. Бедные, лежали сутками... месяцами! – запертые в своём теле! «Не жильцы», – кратко выразилась про них сестра-хозяйка, знающая всё о всех. Лина не поверила. Не захотела поверить. Может, ребят специально держали в растительном виде? Ведь средства немалые госпиталь за них получал, заинтересован в долгом лечении.

Она вызнала названия препаратов, порядок применения и дозировку. Добыла и результаты анализов и исследований – тут пришлось изловчиться. Лечащий врач на обходе имел привычку листать перед собой в пространстве историю болезни, да ещё и, шурясь, текст выводил крупно – зрение, видать, буксовало. А она тихой мышкой в углу «проходила практику», вот и скопировала незаметно информацию в свой фон, делов-то.

Пакет данных отправила со всеми предосторожностями – точно как инструктировал дед, врубив секретный режим «X». Работать в нём можно лишь пальцем с экрана, привычная голосовая связь отсутствует. А дальше уж дед разберётся – свяжется со специалистами, те сделают вывод. О, эти шпионские игры! Ей нравилось.

Ну, отправила она данные, а дальше-то что? Что-что... а чего душа желает, то и «что»! Писать отчёт по практике – много времени не занимает: фиксировать чего-куда-сколько, измерять жизненно важные показатели пациентов (температура-давление-пульс-частота дыхания) и всё это аккуратно заносить в таблицы. Всего-то. Ну и изредка дополнять отчёт специальными параметрами, которые уже снимала не она, а Дженни, поскольку более сложные манипуляции практикантке не доверяли. И диплом по факту был почти готов: оставалось завершить последнюю главу и написать заключение.

«Чем бы ещё заняться?»

– Дорогие мои астронавты, чего расскажу вам... – провозгласила она как-то, оставшись одна в палате. – Вот вы тут отдыхаете... и не знаете. А у меня – сегодня – день рождения! Да-да. Семнадцатое февраля – и семнадцать годочков стукнуло. Вот так вот.

На самом деле день рождения у неё был в марте, тоже семнадцатого. То есть через месяц. Но какая, в принципе, разница? Зато мотиватор – ух!

– Что? Поздравить меня желаете?

Обошла каждого, будто поздравления принимала.

– Тимур, вы как всегда галантны, благодарю! – пожалала командиру культи выше локтей, выпрямилась и щёлкнула воображаемыми каблуками.

– Боренька, вот очнёшься, буду подкармливать. Обещаю! – Радист Боря был и самым молоденьким, и самым худеньким на вид. Потрясла единственную его руку, по вихрам погладила.

– И тебе, Марат, спасибо за поздравление. Ну, у тебя и лапы – прям лопаты! – механик Марат, напротив, самый крепкий. Мужик! Коренастый, высокий... был. Был высокий. Теперь самый низкий. – Ничего, что ног нет – с такими ручищами найдёшь работу. Запросто. Это Я тебе говорю, да.

– Олег, ревнуешь, что ли?.. Ну, нет у тебя рук по самые плечи – зато ноги есть. Руку пожать мне никак, говоришь? А я тебя за уши подёргаю – идёт? Вам с Маратиком надо на пару

работать, ты ведь бортинженер, на табличке написано... Вот, а он механик, почти одно и то же. Один будет ножками, другой ручками.

– Что хмуритесь? Недовольны? А нефиг было в аварию попадать. Шучу. Ладно, ребят, не расстраивайтесь. В честь моего дня рождения буду делать вам сегодня массаж! Кто желает первый?

Закатала рукава, отбросила фон, чтоб не мешал.

«Инициатива наказуема!» – тут же выплюнул он.

«Заткнись!» – прошипела ему в ответ.

Размяла кисти рук. И приступила.

Ампутированные конечности – это так, добавка. Основные проблемы – с внутренними органами: не функционировали, их заменяла аппаратура. Плюс разрывы всего, что может рваться, и множественные переломы.

Конечно, она боялась. Не голых искалеченных мужских тел – с этим как раз нормально, научилась в «травме» Кроско профессиональному взгляду: воспринимать тела как объекты для работы. И наружные кожные покровы к тому же пришли в норму: да, в шрамах, но не кровят. А боялась она навредить внутренним органам.

Но у неё есть рентгенка – так в обиходе называли компактный переносной рентгеновский аппарат. Он поможет обойти опасные места. Она будет о-очень аккуратно массировать, прислушиваясь пальцами. Пальцы у неё чуткие от природы, что есть, то есть. Потому и в медицину пошла, что с детства знала за собой такую особенность: «слышать» пальцами.

Тела закованы в корсеты, поддерживающие позвоночник. Места ампутаций закрыты бинтами, переломы – шинами. Шины – это те же бинты, но затвердевшие после накладывания. Открытых поверхностей и нет почти, самая малость... с них и начала – пощипала мышцы под израненной кожей. Очень осторожно, едва касаясь, ещё и дула – не так больно чтоб. Немного, но хоть что-то, тут главное – начать.

Всех обшипала-огладила в честь своего дня рождения.

– Как всё запущено, больные! С вами работать и работать! – выговорила пациентам после сеанса.

А на завтра пришла Дженни проводить плановую «чистку» и позволила Лине остаться. Уверенными быстрыми движениями сняла шины. И не только с силой массировала, не жалея вялой и бледной кожи, но и руки-ноги сгибала-разгибала. Но это ладно. Так она ещё и вертела пациентов туда-сюда! Не сама, конечно, а управляя направляющими кровати, насосы же к сердцу подсоединены через приводы.

– А сдвинется где-нибудь, оборвётся? – взволновалась Лина.

– В пределах полуметра можно, – деловито объяснила Дженни. – Проводки гибкие.

От её манипуляций хруст стоял на всю палату, заглушая даже «чав-чав» приборов жизнеобеспечения.

– Разве можно так? Ну, жёстко... – продолжала не понимать Лина. Глаза на лоб, внутри дрожало: и прикасаться-то к больным страшно, поломанные же! А эта... будто с куклами, раз-два.

– Им не больно, они же не чувствуют! – краем рта усмехнулась Дженни.

– И часто ты их... ну, вертишь?

– Раз в месяц. Вертеть полезно.

Что полезно – Лина и сама знала. Сбивать наросты костной ткани, которые, если закостенеют неправильно, доставят впоследствии хлопот больше, чем сами переломы.

– А если полезно – почему всего раз в месяц?

– У пациентов замедлен обмен веществ, вот и... Но вообще-то это ж не я определяю. Мне говорят – я делаю.

– А корсет?

– Корсет врач запретил трогать. Позвоночник, опасно. Год минимум сказал не прикасаться. Там лекарства под ним работают. Но будь моя воля... – она замолчала.

– И что тогда? – уставилась на неё Лина.

– Тоже бы разминала... не так, конечно, активно. Потихоньку. Но нельзя, врачу виднее.

Чем она хуже медсестры? – И Лина добавила массаж участков под шинами. Работала регулярно – каждый день, когда никто не видит, в палату персонал заходил редко. Но если зайдут – она прибор изучает, вон тетрадка открыта – и это не маскировка, на самом деле изучает, без дураков. А спросят, почему самовольно шину сняла? – так детектор поставить, у прибора куча выводов с «крокодилами» – каждый можно прицепить хоть куда.

Но пронесло, не пришлось объясняться: местные эскулапы не усердствовали, обходились минимумом, прописанным в должностной инструкции, а расписание этого минимума она выучила наизусть, и к нужному часу пациенты лежали готовенькие – в обычном своём «шинном» облачении.

Она прислушивалась к себе и работала по наитию. Скоро пальцы сами... сами стали кости поправлять-вправлять. Плюс рентгенка, конечно же. И стало получаться не хуже, чем у Дженни. А даже и лучше: ведь лучше же, когда каждый день понемногу, чем раз в месяц хрустеть, сбивая наросты! Да, внутренние органы и мозг этим не вылечишь, но – хоть что-то! – она должна же! – делать!

Осмелела – подключила и позвоночник. На Боре опробовала: самый лёгонький по весу, проще в обращении. Тряслась, когда первый раз расстегнула его корсет. Ужас, какая под ним кожа была... вот тебе и «там лекарства работают» – фикция! Ничего они не работали!

Осторожно пропальпировала позвоночник, обработала кожу и вновь затянула корсет. Запарилась. Зато освоила принцип крепежа. С остальными пациентами прошло быстрее.

Не обманули распечатки, предоставленные ей куратором – по крайней мере, касающиеся костей: переломы были в тех самых местах, которые и она нащупала. То есть истории болезни отражали истинную информацию, можно им верить, деду отправила верные данные.

Наконец, пришёл от него ответ. Тонкие пальцы Лины подрагивали от волнения – тыкали и промахивались... в этом хитром режиме «Х» с ума сойдёшь, пока доберёшься до сути, перестарался с безопасностью дед, отключив голосовую связь.

«Лечение проводится в рамках стандартного протокола поддержания жизни, ничего вредного или сомнительного не вводят. Вердикт семейного врача: перспектив для больных не просматривается» – высветилось на экране.

До неё не сразу дошёл смысл написанного. Трижды перечитала. Сухая, бездушная констатация факта означала: ребятам не жить.

«То-то местные равнодушны к нашим... знают, что не очнутя. А не из-за злого умысла. Просто тянут время! Пока живые – персоналу деньги капают!» – дошло до неё.

Ночь прорыдала. Но с утра уже снова массировала, упрямо сведя брови, сопя опухшим носом.

«Надежда умирает последней!» – поддержал её фон.

Остановилась на том, что общий массаж делала всем, но отжимала корсет лишь одному пациенту в день – по очереди. Потому что так лучше: не впопыхах абы как, а детально, вдумчиво по критичным позвонкам и дискам, не спеша прорабатывать звено за звеном. Сознвала, что вторгается в запрещённую опасную область спинного мозга, где нажмёшь чуть не так – и сделаешь человека инвалидом, – вот только хуже, чем есть, всё равно не будет.

И результат – был. Точно был! Более упругими, что ли, стали ребята, посвежели. И это хорошо, а то испугают матерей своим видом.

Да-да, их собирались вернуть матерям! «Украсть» четырёх безнадёжных больных из враждебного Маури и доставить на родину! – именно в этом и состояла цель их десанта.

Мама... Лина судорожно вздохнула. Не нравилось, что пришлось прекратить с ней общение. И с сестрой, и с братом. Но отец настоял. «Потерпи, – сказал, – не стоит раздражать местных». Умом понимала: полиция просматривает любые сообщения чужаков, а уж гравипочту вообще сканирует вдоль и поперёк. Если она проявит активные родственные чувства к своей семье, то они могут заподозрить, что и к членам большой семьи равнодушна, то есть к опекаемым пациентам – тут-то её и раскроют, и вышлют с Маури, и весь план к чертям. Понимала, но оттого не легче. Скучала. С августа прошлого года своих не видала!

Записала на фон коротенькие видосы, где строила рожи, делала колесо и жонглировала яблоками – а слабо повторить за старшей сестрой? Даже не для них – для себя снимала. Всё равно отправлять такое по гравипочте нельзя, так что вручит родным при личном свидании: «вон как по вам скучала, что даже письма в запас писала!»

Ничего, скоро она будет дома... недолго осталось. Три месяца, если официально. Апрель, май – в Маури, июнь – в Кроско. И всё, домой!

А неофициально... неофициально – кто его знает. Как пойдёт. Дед с отцом не посвящали её в свои лётные планы.

Как чуяла про «как пойдёт»: внезапно дед потребовал завершиться с дипломом сильно досрочно – чтоб к концу апреля уже был.

«Ага, будет... конь же не валялся! Я же массажи!.. Не мог раньше сказать!.. Прощай, пятёрка, здравствуй, трояк!»

– Тьфу-тьфу-тьфу, – постучала она по дереву: уж очень трояк не хотелось.

– Хочешь насмешить бога – расскажи о своих планах, – тут же откликнулся фон идиотской фразой.

– Дурак! – скривилась в его сторону Лина. И старательно зачеркала очередной день в календаре.

А ещё она – параллельно практике – сдавала вступительные экзамены в ВУЗ. Все практиканты так делают. Но не все сдают прямо в больничной палате. А что такого? – тут места больше, чем в её «пещере». И ребятам полезно послушать, всё веселее, чем унылое «чав-чав» приборов.

Математика и химия уже отправлены в приёмную комиссию, в данный момент она записывала биологию. Не спеша, каждый день по блоку. Осталось немного, скоро тоже отправит. За доставку модулей с экзаменационными ответами гравипочта с абитуриентов денег не берёт – государство платит, очень удобно.

И останется лишь одна физика – самый сложный для неё предмет. Но с ней обещал помочь дед – уже после дня «ч», когда соединятся все вместе. После побега.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – вновь постучала она, и гадкий фон снова выкатил в ответ ту же самую фразу про «насмешить бога».

– Заело пластинку? – прочисти мозги! – прошипела ему сквозь зубы.

Итого к дедлайну приёма документов – 1 июля – она успеет отослать все четыре предмета, и всё будет тип-топ, в какой-нибудь медицинский ВУЗ да возьмут. Хотелось бы, конечно, в самый лучший – центральный, который на Земле... но туда на бюджет не попасть сто процентов, а платно семья не потянет, при нынешних-то проблемах с финансами. Ну и ладно – не всё равно, где приобретать профессию? Она будет врачом при любом раскладе. Или генетиком? Точно пока не решила, но направление выбрала давно, с самого детства: людей лечить.

Апрель отсчитывал последние свои денёчки. И случилось так, что к концу месяца сразу три события совпали во времени.

Во-первых, завершился ремонт «Стрелы» – уложились в полгода льготного ремонтного тарифа. По окончании льготы грузовоз пришлось переместить из ремонтных доков на дорожную стоянку, каждый день пребывания на которой влетал в копеечку, и очень хотелось оттуда быстрее убраться.

Во-вторых, Лина защитила свою практику досрочно, с месячным опережением – 30 апреля ей прислали сертификат с оценкой «хорошо». Тем самым закрылась последняя графа в её школьном портфолио, и теперь в базе значилось, что она «успешно закончила школу с медицинским уклоном». И что бы ни случилось завтра, этого уже не отнять: закрыт целый этап жизни. Да, не на «отлично», ну и пусть, какая, в принципе, разница. Она ощутила огромное облегчение, будто сбросила оковы рабства. «Свободна, ур-ра!» Рабства не только школьного, но и родительского – отец и дед оба давили, чтобы быстрее, и она выполнила их приказ! И уже начала подъём на следующую вершину, очередной этап: поступление в ВУЗ. Модуль с биологией таки успела накануне отправить, осталось всего ничего – какая-то физика, но пока – законный передых!

И, в-третьих и главных, – окно. Сложилось благоприятное расположение планет – первого мая откроется окно под побег.

Гравипорт Маури закрыт для «Стрелы» – там тотальный досмотр. Мауряне не выпустят в гипертуннель корабль, если на нём неустановленные личности. Или установленные, но нагло уворованные из госпиталя. А уворовавших – тут же запишут в преступники по законам Маури.

Остаётся гравипорт в Кроско – там свои законы. До Кроско доберутся своим ходом: в обычном трёхмерном пространстве отсутствуют досмотр и контроль, каждый добропорядочный гражданин волен перемещаться когда и куда угодно – но только именно добропорядочный, а не объявленный в розыск или тем более преступник.

Кратчайший путь от Маури до Кроско – по прямой – занимает неделю, но случается сие счастье всего лишь раз в два года. А именно: в июне откроется окно «прямого перехода», и тысячи кораблей ринутся пользоваться момент халявы. Но не всё так просто с «прямым переходом»: корабли отслеживаются радаром. Как только мауряне обнаружат побег, они сообщат в Интерпол, и корабль автоматически перейдёт в разряд неблагонадёжных. И по прилёту в Кроско будет встречен международной службой. И арестован, если в нём обнаружат похищенных. Однако если вылететь на два месяца раньше в направлении, противоположном «халявному» – то есть прочь от звезды, и исчезнуть в туманности в самом что ни на есть прямом понимании этого слова, то след потеряется для радаров. И тогда уже можно будет вернуться и влиться в основной поток тысяч «халявщиков», но уже с другим опознавательным знаком – ложным, дед на такое мастер. Пока разберутся, что грузовоз и есть та самая «Стрела», свершившая преступное деяние, сто раз можно высадить из корабля лишних пассажиров, на Кроско много сочувствующих помощников.

«Пусть докажут сначала, что на борту кто-то был. Интерполу заняться больше нечем, как искать калек!» – припечатал Кузьма Петрович. А без вердикта международной службы гиперканал останется для «Стрелы» открытым. Вот под эту хитроумную комбинацию с хитрой траекторией полёта и откроется окно 1 мая, и открыто оно будет всего лишь два дня.

С учётом этих трёх моментов однозначно вытекала дата побега – первого мая. Побег? Скорее, похищения. Не уложатся – скрыться станет сложнее.

И да! Существовал ещё один момент – четвёртый: дедлайн приёмки документов в ВУЗы – 1 июля. К концу суток первого июля они должны отправить в приёмную комиссию модуль с физикой. А до того – ещё эту физику написать, предварительно подготовив абитуриента. Иначе Лина потеряет год! Не смертельно, но... отец и дед нацелились кровь из носу прибыть в Кроско вовремя, нехорошо обманывать ожидания ребёнка (Лина для них всегда будет ребёнком).

1 мая 01г.

С утра Лина весело щебетала, оббегая весь подряд персонал – прощалась. Сегодня она на Маури последний день! Оценка выставлена, практика сдана досрочно!

Чемодан уже собран, ждёт на выход. Билет на гиперперелёт до Кроско активирован, всё честь по чести. В принципе, можно было бы и сразу домой на Землю, но – за свой счёт. А бесплатно – положено только лишь после официального дня завершения практики, который случится через два месяца. Перелёт в другой рукав стоит деньжищ немеряных, потому она воспользовалась ещё одной возможностью, предоставляемой федеральной программой: учащимся-«досрочникам», а их обычно около четверти от всего состава, предлагается работа на низших санитарно-медицинских должностях. Очень неплохое предложение: можно заработать первую свою зарплату, а после бесплатно вернуться домой. Вот Лина и летит сегодня в госпиталь на Кроско, где её берут санитаркой.

Пискнул фон – посыльный сообщил, что заказ доставлен к воротам номер пять.

«Что ни делается, всё к лучшему» – выполз вслед комментарий. Хорошая, по идее, фраза, но с подозрительным оттенком: будто фон предвидит нечто нехорошее и заранее её успокаивает. «Тьфу на тебя!» – на всякий случай ругнулась Лина. Нервы натянуты как струна.

Кинулась к воротам номер пять, каких-то полкилометра. А там... Дед предупредил про сюрприз, но чтобы настолько объёмный... не ожидала. Перед ней кучерявились воздушные шарики – целое облако, штук сто. Привязаны к тележке. Сам заказ – внутри, в большой коробке. Охрана доставку уже просканировала и теперь приветливо шерилась, вручая.

Настроение подскочило до небес, напряжение ушло. Толкая тележку, она торжественно шествовала к своему корпусу, рот до ушей. На неё оглядывались и тоже улыбались.

Персонал седьмого корпуса накрыло праздничное настроение. Ещё бы, туча шариков – тележку с ними выставили у корпуса, а ещё вкусняшки – из коробки извлекли пирожные, пиццу, роллы. Аппетитные все из себя, аккуратненькие, на один кус, так и просились в рот. Разложили всё это богатство на столах в дежурке. Вода вот-вот закипит сразу в трёх чайниках...

Большое начальство очень кстати отсутствовало, удачно вызванное по каким-то делам. «Дед постарался!» – не сомневалась Лина. Народ дружно подтягивался к столам.

Дежурный врач – а сегодня им был Карл – встал речь сказать. И тут...

Пришёл срочный вызов. Пациента из палаты №11 требовали «на выход».

Карл поручил дело коллеге: врачей кроме них двоих в наличии не наблюдалось, а дежурному – инструкция не рекомендовала покидать корпус без значимой причины. Коллега кинул грустный взгляд на богатый стол и отбыл выполнять приказ: на площадку возле корпуса уже приземлялся больничный кар, чтобы везти больного на процедуру.

Проводив взглядом взмывший в небо перевозчик, народ за столом прослушал прочувствованную речь Карла, куратора Лины, о своей подопечной и только протянули руки за вкусняшками, как вновь пришёл вызов: на этот раз требовали на выход палату №8. И снова приземлялся кар, уже большего размера, в госпитале много перевозчиков разной вместимости.

– У них что сегодня, аврал? – проворчал недовольно Карл и послал с больными Дженни, ответственную за первые двенадцать палат.

Едва они поднесли вкусняшки ко рту, как – бац! – снова вызов! На выход требовали палату №10! Лина обмерла: её подопечные!

– Они что там сегодня, с дуба рухнули? – Щёки и лоб куратора побагровели, сдвинутые брови будто сделались гуще. – Извини, но – твоя очередь! – пухлый палец целил в Лину. – Делать ничего не надо, просто побудешь.

С кислым видом, а на самом деле ликуя, Лина кивнула.

– А шарики можно... ну, отпустить? – попросила, потупившись.

– Отличная идея! Ты давай к пациентам, а мы сделаем.

Когда в небо взмыла громадная связка шариков, санитары уже выкатывали ребят вместе с аппаратурой жизнеобеспечения. И грузили их даже не в кар, а в целый летающий бас. Лина сновала возле – казалось, что беспорядочно, но на самом деле она, сосредоточенная, внимательно отслеживала ход погрузки: нельзя ничего забыть! Ни единой детальки от аппаратуры!

Бас вылетел за ограду госпиталя и пропал из виду на больничном радаре.

Водитель потом, объясняясь в полиции, утверждал, что ему по всем правилам пришёл приказ – приземлиться на площадке соседнего водного спортивного комплекса. Нет, не приснилось, своими глазами-ушами... И в мыслях не было, что совершается что-то противозаконное! – туда частенько возили больных для принятия водных процедур. К тому же бас встретили двое санитаров в униформе водного центра; шустро выгрузили пациентов и махнули ему – свободен, мол. Всё как всегда! Да, и в масках встречающие тоже часто! И приказ же, вон...

Однако база божилась, что никаких приказов по корпусу 7 в тот день не отдавала. Ни первого, ни второго, ни третьего.

Запись со стационарного спутника показала, что на месте высадки больных из палаты №10 вслед за отбытием больничного баса скоро прибыл челнок с неопознанными номерами, забрал пациентов и убыл.

Давненько не случилось в госпитале ничего подобного, привыкли к порядку и стабильности. Пока разбирались во всей этой катавасии, пока проследили по цепочке последовательных записей путь вражеского челнока от водного стадиона до точки выгрузки, коей оказался шлюз номер 322 на стоянке космического грузового транспорта, арендованный звездолётом «Стрела» – пока свершались все эти необходимые процедурные действия, эта самая «Стрела», стартовав по всем правилам, покинула припланетную окрестность Маури. На посланные вслед сигналы не отвечала, уносясь прочь с ускорением. А спустя несколько дней и вовсе исчезла, растворившись в поясе астероидов.

Стартовали впопыхах. Лину сразу заковали в кресло в какой-то каюте, где и оставили одну-единёшеньку, она даже не видела, куда дели пациентов.

Когда автоматика разблокировала ремни безопасности, Лина отстегнулась и, шатаясь, побрела искать кого живого. Сказывалась довольно длительная перегрузка стартового разгона. Сейчас тоже летели с ускорением, но шадящим, чтоб на пассажиров действовала лишь «жэ».

За каютой её встретил относительно просторный холл, напичканный странного вида штуками, похожими на тренажёры диковинной формы. Так-то ей доводилось на звездолётах летать, но чтобы на «личном», если можно так выразиться, транспорте, где все свои и можно «гулять» не только по пассажирскому отсеку – такого с ней раньше не случалось. Глазела вокруг, но дотронуться ни до чего не решалась. Добралась до рубки управления. И вошла, коленки подрагивали от пиетета – впервые в жизни же! В глаза бросился канат, свисавший с потолка посреди рубки – а он-то тут зачем, в святая святых звездолёта?

Отец махнул ей приветственно – давай, мол, к нам. Она подошла – и застыла перед громадным носовым иллюминатором. Однако нет, чтобы восхищённо заохать-заохать на бездонные просторы и цветы созвездий неземной красоты, открывшиеся перед ней – отнюдь. Неожиданно для пилотов она вдруг совсем не восторженно хихикнула. Ещё, и ещё. Хихиканье перешло в смех, смех – в неприличное ржание. Подвсхлипывая, согнулась пополам.

Пилоты поначалу даже растерялись. Испугались за неё. Но после пятого «ой, не могу!» и тыкания в них пальцем, сообразили: это реакция ребёнка на их костюмы. За штурвалом звездолёта восседали санитары в белых халатах и колпаках с красным крестом. Так понимать же надо, не успели переодеться! Смотрелись, и правда, несколько комично – но не до такой же степени ржания! Списали её нелепое поведение на пережитый стресс.

Командир самолично поднёс ей пакет с водой – пей! И, приобняв, увёл в изолятор – пусть займётся больными, работа успокаивает.

С уходом отца в его уморительном костюмчике смешливость Лины пошла резко на убыль. Проснулся врачебный инстинкт, и она кинулась обихаживать больных. Проверить, как перенесли взлёт, чтоб все провода на месте. По её списку много чего закуплено – распаковать, рассортировать, проверить работоспособность новой рентгенки. Работы – непочатый край. Однако настроение – лучше не бывает, несмотря на небольшое головокружение. Они сделали это! И летят все вместе! А ещё – она теперь не какая-нибудь практикантка, а настоящий корабельный врач, входит в состав звёздного экипажа – звучит! Неофициально, конечно. Но какая разница, официально или нет – обязанности-то выполнять будет реально! Отец так сказал. В смысле, командир.

До своей каюты доползла лишь в конце дня. Открыла личный отсек, где шмотки... ох. Дед с отцом, конечно, старались, закупили для неё необходимый минимум. Слезы и отстой, особенно однотонные бесформенные комбинезоны. Но признаться нельзя – обидятся. Эх, жаль свой жёлтый аккуратный чемоданчик не получилось взять, остался в госпитале, там столько хороших вещичек, одежда интересная. «Ы-ы», – едва не до слёз пробило. Но быстро отпустило. «Ерунда, подумаешь. Нельзя было его грузить в больничный кар, заподозрили бы».

«Стреле» предстояло пересечь пояс астероидов, и сильно разогнаться было нельзя. Поэтому, достигнув некой скорости, ускорение вырубил, и корабль понёсся по инерции, удаляясь от Маури. В отсутствии внешних сил постоянная скорость корабля означает режим невесомости для экипажа. Сергею хоть бы что, привычен. Лина тоже более-менее, не зря посещала кружок «юных астронавтов», где ученики тренировали вестибулярный аппарат и даже выезжали «на натуру». Кузьма же Петрович...

Кузьма Петрович недолго продержал марку бывалого штурмана. Ну так, тридцать лет в космос не ходил, про невесомость и думать забыл, не то что тренировать. Нет, на Маури-то, в доках, он включил в свой распорядок тренировки на центрифуге и даже иногда в ту центрифугу влезал... Вот только не помогло.

Не смирился организм с насилием над собой, возраст таки сказался, и дед сдался: распластался в кресле, позеленелый.

– Я, кажется, того... умираю, – проскрипел, извещая зятя о своём состоянии.

– Ничего, привыкнешь! – командир скормил второму пилоту таблетку от укачивания и уснул в каюту «приходить в себя».

Тут же к больному явилась вызванная командиром врачаха, то есть внучка Лина. Захлопотала с восстановительными процедурами.

То ли процедуры помогли, а может, подействовала таблетка, но дед скоро воспрянул. Поддержал разговор, затеянный Линой с целью не только лишь медицинской, то есть чтобы отвлечь от тошноты, но и в некоторой степени шкурной: чтобы выудить подробности недавнего похищения. Это её намерение считывалось на раз. Девочка полагала (возможно, и справедливо), что мужчин лучше сразу расспрашивать, пока те не выкинули «мелочи» из оперативной памяти мозга. А что дед? – а он только рад: когда она рядом, пусть хоть о чёрте лысом пытается.

– А если б не меня послали, а куратор сам полетел?

– Сам – нет, инструкция. – Дед хоть и слабый, но отвечал бодро. Привычка. Лекции студентам читал в любом состоянии. – А вот медсестру из другого отделения – мог.

– И-и?

– Тут же пришёл бы вызов на ЕЁ пациента. – Слово «её» он выделил голосом и поднятием указательного пальца.

– А если б ещё кого послали, но опять не меня?

– Ещё бы разок повторили.

- А как ты... вообще – откуда?
- Узнавал откуда? Так фон твой... Режим зэт.
- Зэт? Ой. А...
- Верно мыслишь, был и игрек.
- А шарика... разве не главный сигнал?
- Скорее, подстраховка. И тебе заодно подарок в честь окончания школы.
- А...

Очередной вопрос Лина задать не успела. Корабль подтормаживал, меняя курс, – вошли, значит, в Пояс астероидов. Деду тут же поплохело.

- Всё, устал, – прервал он её. – Отвык, понимаешь. И ты отдыхай, скоро физику начнём.

Пройдя пояс астероидов с его хаотичными торможениями-ускорениями, «Стрела» вошла в устойчивый режим полёта уже за ним. Траектория корабля представляла собой ломаную линию из длинных отрезков прямых. Так, чтобы и подальше от груды космических камней, и одновременно не удаляясь далеко от них. Изредка на короткое время включался двигатель для корректировки направления, остальное время грузовик нёсся в безвоздушном пространстве по инерции с постоянной скоростью, что означало – на корабле царит невесомость. Лина чувствовала себя почти нормально, про командира и речи нет – как дышать. А вот дед продолжал страдать. Отвык от лётных прелестей, столько лет про них не вспоминал и вспоминать не собирался. Но мироздание не спрашивает твоих планов, р-раз – и перетряхивает всё с ног на голову.

«Так вышло. Что ж теперь. Помочь семье – святая обязанность», – убеждал себя Кузьма Петрович, когда дурнота накатывала с особой силой. Но если первую неделю совсем уж было плохо, то на вторую полегчало. Повеселел. Передвигался по кораблю неуклюже: тело хоть и вспоминало потихоньку навыки, приобретённые в молодости, но очень неспешно.

Конечно, можно было лететь с комфортом – всегда так и летали, они же приличный звездолёт, а не какая-нибудь доисторическая телега двадцать второго века. Всего и требовалось: подключить барабан, создающий центробежную силу, и поддерживать искусственную силу тяжести на привычном уровне. Но... Но, во-первых, им нельзя «светиться» на радость радарам Маури – беглецам следует убежать по-тихому. Во-вторых, они должны экономить. Потому и отключили самые энергозатратные механизмы, энергия нынче для них на вес золота. Исключение сделали лишь для блока защиты от метеоритов – последней, самой продвинутой модификации, приобрели накануне вылета и активировали сразу по взлёту: обжёгшись раз (именно из-за его отсутствия семью лишили страховки!), второго не желали. Блок потреблял энергию пропорционально опасности за бортом и в «чистой» области практически «не светил».

Авария, случившаяся в июле прошлого года, обошлась семье дорого: не только выкосила из жизни четырёх сынов в расцвете лет, превратив в «овощи», но и обескровила в материальном плане. Семейная кубышка, наполняемая предыдущими поколениями, была опустошена на восстановление «Стрелы», ещё и в долги влезли. Одна лишь замена плазменного двигателя съела две трети запасов.

А второй по объёму статьёй расхода неожиданно стали выплаты за разбитый в аварии хрупкий груз, коим являлись шедевры маститого скульптора.

Маэстро творил в стиле абстракции из некоего, по его уверениям, особого «облагороженного» материала, но «особость» эта была сомнительна, по мнению астронавтов – с виду стекло-стеклом. До того, как груз разбился, он представлял из себя хаотичное переплетение бесформенных форм, мало походящих на скульптуру – скорее, на клубок змей. После аварии тот клубок выглядел даже лучше – благородной кучей стекляшек, не будирующих взгляд неестественными перегибами.

«Не хотели же связываться с этим скульптором... чёрт дёрнул», – ругали себя логистики офиса. Правильно ругали. Маэстро, не удовлетворённый размером страхового возмещения, потребовал отступных от виновника аварии – хозяев «Стрелы». В противном случае грозился «развезть в пыль репутацию перевозчика». Столько нервов из-за него потратили! Целая бригада семейных адвокатов за ним бегала, уговаривала... Сошлись на том, что выкупили-таки творения маэстро по максимальной цене – это осколки-то! Битое стекло! Маэстро обыграл всех и содрал с семьи знатный куш – «за моральный ущерб», как он выразился. Опытный жук.

Так до сих пор в трюме и болталась эта куча осколков, разве что смели её в дальний отсек. Выбросить – рука не поднималась: слишком дорого встала семье эта «абстракция», но что с нею делать – пока не придумали. Не до того.

Так начался первый рейс «Стрелы» после ремонта. В новом облики и новом составе.

Предыдущий экипаж лежал в корабельном изоляторе – в коме. Прогноз неутешительный; если честно, ребят везли на родину умирать.

Глава 2.

1я экспедиция (25 мая – 4 ноября 01г.)

25 мая, «Стрела»

Лина влетела в рубку управления и элегантно закрутилась вокруг каната. Теперь-то она знала, зачем он тут: чтоб тормозить в режиме невесомости. Без него влепишься прямым в пилотов. Или, ещё веселее, в обзорный иллюминатор.

Бортовые часы показывали девять утра. Пилоты, как и положено, восседали в креслах за пультом.

– Внимание! – хрипнула она и откашлялась, прочищая горло.

Пилоты не среагировали. Пялились вперёд в пространство – вот зачем, спрашивается, зрение напрягать, если пусто вокруг?! Астероидный пояс – прилично в стороне. «До ближайшего небесного тела три дня пути» – авторитетно уверял блок защиты от метеоритов, ещё и картинку этого «тела» прилагал – камень поперечником семь метров.

– Официально за-я-вляю! – протрубила она, усилив громкость. Лишь тогда только пилоты соизволили шевельнуться, обозначая внимание. – В двенадцать у меня зачёт. В двенадцать, повторяю! В холл – не заходить! Ко мне – не приближаться! И не подглядывать! Дед, усвоил?

– У-гу! – виновато гукнул второй пилот. И покраснел.

Первый пилот заинтересованно вскинул брови: никогда не видел, чтобы тесть краснел.

– Чего это штурману особое предупреждение? – обернулся, наконец, и вонзил в дочь пристальный взгляд.

– Да эт-то... ну. Он знает.

– Он-то, может, и знает, а я – нет. Доложи, будь добра, командиру!

Из уст её вырвался протяжный стон: чуть деда не выдала, вот же чучело! Она грациозно взмахнула руками и медленно принялась раскручиваться в обратную сторону, лихорадочно при этом обдумывая, как бы этак вывернуться... но в голову ничего не приходило. С ума с ними сойдёшь! Будет молчать.

...Экзаменационный принимающий модуль не только записывает ответ абитуриента, но и контролирует процесс на предмет подсказок. Умный, не обманешь. Во всё время экзамена активно сканирует аудиторию, анализирует поведение сдающего и прочие параметры, которые считывает через усы антенн. При обнаружении неправомерного действия – штрафует, после чего звучит грустная мелодия и ты вылетаешь из темы, которую на данный момент сдаёшь. Хорошо хоть, не целиком из предмета – в предмете обычно бывает от пяти до десяти тем. Объявляется «следующая попытка»: при нажатии «готов» экзаменационный билет по теме грузится заново. Но не как раньше! – с каждой новой попыткой вопросы становятся каверзнее,

задачи сложнее. Число попыток на одну тему ограничено четырьмя. При этом сложность возрастает в геометрической прогрессии: четвертую осилит лишь крутой отличник, можно и не пытаться – сразу модуль в помойку и идти за новым, время сбережешь. И придется сдавать предмет заново, все темы сначала. Но если первый модуль для абитуриента бесплатно, то второй влетит в копеечку, третий ещё дороже, а четвертый по силам лишь богачу. Данный расклад {4 попытки на тему * 4 модуля} существует уже стабильно полвека...

Безмолвное кружение Лины вокруг каната длилось недолго.

Второй пилот опустил голову и признался трагическим полусёпотом:

– Из-за меня эт-то... из-за меня её вчера штрафанули. Виноват!

– Ну! – подхватила Лина, приостановив вращение. Раз дед признался, дальше можно и ей. Сейчас ка-ак в красках живописует, повеселит народ, смешно же! – Идёт зачёт. Я, значит, решаю задачу. И тут – в меня – сзади – ка-ак кто-то врежется! И в потолок отскакивает, ы-ы. Ну и всё, играет «ля-ля» – штраф.

– Как это – «врежется»? – не понял командир.

– Случайно. Хотел к пациентам, но... Но не рассчитал траекторию, – проронил покаянно дед, продолжая буравить взглядом пол. Ещё и плечо болело: он воткнулся в станину с грифами, отразился мячиком и понёсся на Лину, закреплённую в кресле тренажёра, об которое он тоже чувствительно ударился.

Между рубкой и изолятором располагался холл, по одну сторону которого шли каюты, по другую – тренажёры. Этот холл ещё «тренажёркой» звали. Каюты слишком малы, чтобы в них устанавливать экзаменационный модуль, требованиям соответствовал лишь холл. Однако – да, через тренажёрку проходил единственный путь из рубки в изолятор. Вот только с чего вдруг второго пилота понесло туда именно во время зачёта – этого он и сам себе не мог объяснить. Видел же – модуль антеннами растопырился – значит, зачёт идёт! Нет, поперся. Хотел по краешку проскользнуть, сильно оттолкнулся и...

– Х-ха... – прыснула, не сдержавшись, Лина и выгнулась колесом. Вспомнила дедову растерянную физиономию: стукнувшись об её кресло, ввинченное в пол, он отлетал к потолку вверх тормашками – и море непонимания плескалось в его распахнутых от ужаса глазах.

Дед ещё сильнее расстроился.

– Заметьте, я не жалуясь, – пожаловался он, – что вынудили пожилого человека на старости лет скакать в невесомости!

– Ты ж сам и отключил силу тяжести, – проницательно сощурилась Лина на деда, замерев в позе лягушки, – и климат-контроллер – тоже ты.

– И что? – насупился он, всё-то она знала... – Мы должны экономить.

Верно, они должны экономить, потому и неслись по пространству словно первопроходцы – в тишине и невесомости.

– Командир, дед наговаривает на себя! Не виноват он! Он же не знал вчера про зачёт!

– Я тоже впервые слышу. Почему нас не предупредила? – процедил недовольно командир.

– Ну... чтоб не волновались. Зато сегодня – вот, предупреждаю.

При всей куче проблем, сопутствующих этому рейсу, пилоты сосредоточились почему-то на её поступлении, – удивлялась Лина нелогичности человеческого поведения. Пребывали от её экзаменов в ненормальном напряжении. Кинематику и динамику оба знали великолепно, оттого, наверное, так сильно переживали. На корабле праздник был, когда она сдала эти две темы без единой помарки. Замучилась от всеобщего безумия. Ладно – дед, он как бы наставник, но, чтобы ещё и отец... перебор для её психики. Сами же пилоты и страдали: устали переживать. «Когда уже это закончится?!» – читалось на их озабоченных лицах. Притом, что главное заинтересованное лицо – Лина – совершенно не нервничала. Хотя... некий мандраж

таки имел место быть, но она давила его в зародыше, убеждая себя, что люди её профессии должны быть уравновешенными, стойкими.

Происшествие со штрафом от отца скрыла не потому, что деда покрывала. А просто не посчитала важным. Подумаешь, провалила попытку, в запасе ещё три. Голова кругом от этих психологических проблем, никак не ожидала такого их наплыва на борту звездолёта. Как будто других – реально значимых проблем – не существовало!

«Ох, дед побледнел... как бы не...»

– Дед, ты чего – обиделся? – подплыла к нему, потёрлась щека о щеку и взяла его руку пульс пощупать. Остриженные по плечи светлые волосы топорщились в невесомости ровным дыбом, зелёный плотный комбинезон облегал тонкую фигуру – как есть одуванчик.

– Обиделся – на тебя? Не выдумывай.

– Пульс в норме! – расцвела она довольной улыбкой.

– Зачёт, говоришь, сегодня... по какой хоть теме, помнишь?

– А как же! Термодинамика. Попытка номер два.

Блок по физике состоял из семи тем. Кинематика с динамикой уже записаны, итого осталось пять, включая сегодняшнюю. Успеет за месяц. Легко! Тем более, с таким наставником: дед – доктор физмат наук, всегда готов объяснить непонятное. Дай ему волю – вообще бы с утра до вечера мучил подготовкой, какой-то он слишком ответственный.

– Поспрашиваю? – заискивающе улыбнулся дед.

Лина, дурачась, надула щёки, подёргала бровями и медленно со значением кивнула, подражая куратору Карлу.

– Так и быть, профессор. Спрашивайте!

У него неплохо получалось предвидеть вопросы компьютера. А из-за штрафа те вопросы станут более сложными. Каверзными. Виноват – вот и пусть отдувается.

– Командир, разрешаешь? – обратился Кузьма Петрович к зятю. На корабле только так к нему и обращался – «командир», «Сергеем» звал лишь в нерабочей обстановке.

– Давай. Но только – отсюда, из рубки. И не увлекайтесь. Что-то мне... пространство не нравится.

– Есть! – подчёркнуто соблюл субординацию второй пилот. И подмигнул Лине. Впереди чисто – и на глаз, и по показаниям блока защиты от метеоритов – чего там может не нравиться?

– А ты, дочь, исчезни с глаз, у пульта запрещаю маячить. Вернись на канат – и не крутись на нём, в глазах мельтешит!

– Слушаюсь! – стукнула она пятку о пятку и грациозно увилась обратно к канату.

Основные понятия, формулы и уравнение состояния Лина знала хорошо, повторять не стали. А вот по циклу Карно прошлись – на этот раз она адиабату с изотермой не перепутала и формулу для КПД продекламировала без запинки, дед остался доволен. Похвалил.

– А теперь, – сказал, – дай мне суть термодинамики в двух-трёх предложениях.

– Суть – в трёх началах: в замкнутой системе энергия сохраняется, тепло перетекает от горячего к холодному и невозможно создать вечный двигатель второго рода. Есть ещё следствие – абсолютный ноль не достижим. – Щёки её покраснелись, глаза сияли. Любила, когда дед хвалил. – Или так: энтропия нашей вселенной возрастает.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился Кузьма Петрович. – Про энтропию подробнее.

– Это мера упорядоченности энергии, – бодро отстучала Лина. – Когда нет порядка и всюду сплошной хаос – энтропия максимальна. Из трёх начал следует, что Вселенную ожидает тепловая смерть!

– Да ну! – обрадовался непонятно чему профессор. – По-твоему, в самом начале был супер-порядок с минимальной энтропией?

– Ну да... – осторожно подтвердила Лина. – Большой взрыв – и материя пошла разлетаться, изучать...порядок стал рушиться, энтропия возрастать.

– Порядок стал рушиться, говоришь... А как ты объяснишь цепочку, по которой шло развитие Вселенной: кварк-глюоновая плазма – элементарные частицы – атомы водорода – звёзды, рождающие всё более сложные элементы... органические соединения и, наконец, жизнь? Разве это не усложнение структуры?

– Твоя цепочка была заложена изначально... в сингулярности, – хладнокровно парировала Лина. – В «запечатанном виде» порядка по-любому больше.

– А мы, люди? Структуру, допустим, ещё можно «запечатать», выражаясь твоими словами. Но поведение людей? Смотри: чем дольше живёт человек, тем больше создаёт «чудес» вокруг себя, усложнение – налицо, а это ж – убывание энтропии. Что, не так?

– Человек тоже умирает! Превращается в перегной! Увеличивая своим трупом энтропию! – Глаза её протестующе сузились.

– Но мир-то вокруг нас, особенно на Земле, разве движется не в противоположную от хаоса сторону?

– Всё это временно! Звёзды погаснут, планеты погибнут! – упрямо гнула своё Лина. – И мы тоже!

– Не факт. Да, отдельный индивид погибает, но в целом человечество борется – и успешно. За какое-то мгновение своего существования, если рассматривать по шкале в 14 миллиардов лет существования Вселенной, мы уже столько наворотили! В космос, вон, вышли. А то ли ещё будет! Вдруг победим энтропию, а?

– Дед, ты зачем мне мозги компостируешь? Завалю из-за тебя зачёт!

– По существу возражай, если не согласна.

– Ну... чтобы противостоять энтропии, человечество должно кушать. А еда – это энергия звёзд. Так?

– Согласен.

– А когда звёзды погаснут – кушать нам будет нечего... И капец!

– Не забывай, что видимая материя – лишь пять процентов Вселенной.

– Ты хочешь сказать... система не замкнута?

– Возможно.

– Нам поможет тёмная материя, и мы выживем?

– Неплохо. Ещё версии?

– Подпространство? Параллельные миры? Упругий эфир? Какие-нибудь особенные струны?

– Во-от, сколько сразу... А ты паниковала.

– А, ещё демон Максвелла есть – целый параграф в учебнике про него.

– Подробнее про демона можешь?

– Непонятное существо разделяет в замкнутом сосуде частицы на «холодные» и «горячие», то есть медленные и быстрые. Бред, с моей точки зрения. Фигню придумали и красиво назвали.

– Фигню, говоришь? Ну, молодёжь... Фигню бы именем Максвелла не назвали. Ладно, давай разбираться. Что демон понижает энтропию в сосуде – уловила?

– Да это понятно – он же порядок типа наводит, одних туда, других сюда. Уменьшается хаос, а с ним и энтропия. Но, дед...

И тут взвыла сирена.

– Лина, в изолятор! Закрепись, активируй «подушку»! – разнеслось по рубке: командир включил громкую связь.

Она метнулась исполнять. Её же подрядили в рейс пациентов сопровождать, а не темы сдавать.

Под изолятор в этом рейсе приспособили отсек для перевозки хрупкого груза: оснащённый «подушкой» – автономной системой противоударных компенсаторов – он был самым безопасным на корабле местом. Чтобы хозяйка изолятора не скучала и всегда была в курсе происходящего на корабле, сюда же навесили и экран, на который передавалось изображение какой-нибудь одной из камер, на вкус командира. И видела сейчас Лина то же, что и пилоты – наполняющую плотную тьму. Пожирающую звёзды. И пожравшую – экран сделался сплошь чёрным, и больше уже не включался.

«Что за фигня? Пусто ведь было! Хотя отец, вон, почуял же что-то... Я спокойна. Спокойна!»

В довершение отключилось освещение. Темень разбавляли лишь слабо фосфоресцирующие полоски, отграничивающие койки и аппаратуру жизнеобеспечения. «Подушка» в активированном состоянии – будто кокон, и ты в нём беспомощная личинка... в компании ещё четырёх. Не живых и не мёртвых. Ещё и полоски зловеще мерцают, создавая эффект посинения тел... «Я врач! – бормотала Лина, стуча зубами. – А врачи не боятся!»

Напряжение усугублялось тишиной. Ритмичные, глухие «чав-чав» прибора лишь подчёркивали зловеще-пугающую тишину. Жуть нарастала. Её словно в болото затягивало – бездонное, адское. Сдавило грудь, стало трудно дышать...

И тут зазвучала наиприятнейшая из музык – захрюкал двигатель. Вместе с ним всколыхнулось сердце, восстановилось дыхание. А двигатель неуклонно набирал обороты. Едва поначалу слышный, звук перешёл в громкий. Скоро ревел так, что корабль трясло – даже в «подушке» ощущалась вибрация. Тело налилось тяжестью.

Надрывный рёв перешёл в визг. И – захлебнулся неестественной тишиной, тревожной до потери пульса.

Удар! Её вдавило в кресло, едва не расплющило. А и расплющило б, если бы не «подушка».

Шшш – финальный скрежещущий стон. Корабль замер. Жёсткая посадка, называется.

Подташнивало, кружилась голова. Обычная реакция при выходе из невесомости, на тренировках и не такое испытывала, скоро пройдёт.

Койки слегка покачивались, провернутые в горизонтальное положение. Индикаторы состояния пациентов светились ровным зелёным светом – хоть что-то хорошее. Но почему тихо?

«А, уши заложило», – дошло до неё. При перегрузках всегда закладывало. Она активно подвигала челюстью, потёрла голову массирующими движениями – и услышала желанное «чав-чав» – приборы жизнеобеспечения работали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.